

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Малышева, Анна Витальевна.

М20 Разбитые маски: [роман] / Анна Малышева. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Задержи дыхание. Проза Анны Малышевой).

ISBN 978-5-17-152770-9

Ольга думала, что самое худшее в ее жизни случилось, когда без вести пропал любимый человек... Но оказалось, намного тяжелее вновь встретить его и понять, что он стал чужим. Молодую женщину окружили предательство, ложь и ненависть, враги надели дружелюбные маски, друзья повернулись к ней спиной. Ей кажется, что этот порочный круг уже не разорвать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152770-9

© Малышева А.
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Катастрофа затянувшегося ремонта — одна из самых нудных и неприятных, которые могут подстергать горожанина. В жизнь мирного, никаких преступлений не совершившего человека врываются наглые, уклончиво изъясняющиеся мастера, постоянно требующие денег. Рабочие, дающие хозяину квартиры понять, чтобы тот не путался под ногами. Груды закупленного материала, который никак не может пойти в дело. Залитые разъяренные соседи снизу, которые тоже сделали ремонт и даже не успели им насладиться. Недовольные шумом соседи сбоку. Кирпичная крошка, цементная пыль и загадочные, пугающие слова: «сантехфасонина», «стяжка», «затирка» и «крепеж». Мебель стоит вверх ногами, воды нет, жить негде. Грохот отбойного молотка вызывает нервную дрожь, сухой шорох шпателя — аллергию.

А уж если, ко всему прочему, добавляется раздел наследства, которое эта квартира собой представляет...

Ольга засыпала и просыпалась с ощущением случившейся беды. Отдохнуть никогда не удавалось — глаза весь день горели так, будто в них насыпали песку. С тяжелой головой она одевалась, торопливо пила безвкусный растворимый кофе и отправлялась в суд. Она ходила туда чуть не каждый день, хотя заседания по ее делу назначались раз в месяц. Но женщина не доверяла своему адвокату и постоянно стояла у него над душой, наблюдая, чтобы тот хотя бы не потерял бумаги.

Сегодня этот юный, совершенно неопытный парень наконец довел ее до белого каления. С трудом добытая справка как в воду канула. Адвокат (язык не поворачивался называть так этого растяпу) лениво покопался в папках, несколько раз заглянул в один и тот же ящик стола, со вздохом потянулся к шкафу...

И тут она не выдержала:

— Опять потеряли?!

— Найдем, — сонно ответил тот. — Ну, еще раз сходите, возьмете выписку...

— Да разве это так просто?! — вскипела она. — Имейте совесть, вам же уплачено вперед, могли бы и поработать!

Собственно говоря, платила она вовсе не этому юнцу, а его матери — та работала в том же суде. Но, как на грех, эта опытная старая адвокатша скончалась после второго же заседания суда. Оказалось, что у нее была застарелая и тщательно скрываемая от клиентов форма рака. Женщина работала до последнего. Всех осиротевших подопечных автоматически передали ее сыну, чтобы тот довел дела до конца. И он вел их — как умел. А парень не умел ничего. Это был типичный маменькин сынок, получивший место только благодаря хлопотам матери и совершенно для него негодный. Но отказаться от его услуг Ольга не могла — у нее попросту не было денег на другого адвоката.

Она часто вспоминала тот зимний день, когда налаженная жизнь рухнула, и поражалась — как мало нужно времени для того, чтобы все покатилося под откос! А ведь казалось, что счастье наконец достигнуто и ничто ему не угрожает. Покончив с нелегким разводом, любимый человек с радостью женился на ней. Ей удалось выгодно продать свою квартиру в дальнем районе Подмосковья, и все вырученные деньги она вложила в ремонт московской квартиры, принадлежавшей мужу. Они рассчитали, что оставшихся денег им хватит даже на то, чтобы отдохнуть где-нибудь за границей. В Испании, например. Отдых был так необходим...

В тот долгий февральский вечер она как раз изучала туристические проспекты. Хотя до вожаемой поездки было далеко, Ольга не отказывала себе в таком невинном

РАЗБИТЫЕ МАСКИ

удовольствию. Тем более что ужин потихоньку готовился на плите, квартира была прибрана, телефон молчал, а Виталий еще не вернулся с работы.

В половине девятого она выключила плиту и взглянула на часы. Он задерживался, но это было обычным делом — часто случалась дополнительная работа. Под крышкой кастрюли меланхолично побулькивал остывающий борщ, в духовке подсыхали пирожки. Проспекты были прочитаны от корки до корки, у Ольги кончились сигареты, а Виталий все не возвращался.

В десять она не выдержала и позвонила мужу на работу. В трубке раздавался мелодичный, механический голос автоответчика, предлагающий оставить сообщение после гудка. Ольга оделась и вышла на улицу. Она решила, что Виталий уже в дороге, так что лучше всего будет встретить его у выхода из метро. Дорога к дому одна, так что они не разминутся. Ей не сиделось на месте — в груди накалилась тревога, и успокоиться было невозможно. Слишком часто выдавались прежде такие тревожные вечера, когда она ждала и не знала — придет ли он домой? Может быть, остался ночевать в своей бывшей семье? Может быть, все кончено?

Но такой вариант был невозможен — только не сейчас! Те отношения разорваны окончательно, он не может вернуться туда после всего, что было... Она убеждала себя в этом, пританцовывая от мороза возле станции метро. Потом зашла вовнутрь, погреться. Стоя у турникетов, она следила за потоком пассажиров, выходящих с эскалатора. Поток редел, толпа распадалась на отдельные лица — усталые, веселые, старые и молодые... Но Виталия среди них не было.

Поздней ночью, сидя за чашкой остывшего кофе, она вдруг поняла: с мужем что-то случилось. Что-то ужасное — иначе почему он не смог позвонить? Она успела взбудоражить всех его друзей, когда звонила им уже после полуночи и просила сообщить что-нибудь о Вите. Толку удалось добиться только раз — один его сослуживец сообщил, что они с Виталием вместе уходили с работы. Как обычно — в восемь часов вечера. И Виталий сразу спустился в метро.

— Но ты знаешь, — сообщил тот, — у него был такой больной вид! Я ему сказал, что нужно отдохнуть — нельзя же так надрываться, дело кончится больницей! Предлагал подвезти, да он отказался...

След обрывался на той самой дальней станции метро. После этого никто Виталия не видел. Едва дождавшись пяти утра, она снова выскочила из дома и поехала на ту злополучную станцию метрополитена. Отыскала милиционера и сбивчиво поведала о случившемся.

— Я уверена, что мужу стало плохо и он упал где-то на станции или в вагоне! — в отчаянии говорила она. — Ради бога, найдите его!

Молоденький милиционер быстро выяснил, что на их станции вчера таких происшествий не было. Но если ему стало плохо, то найти человека, конечно, можно. Были у него с собой документы? Были. Тогда еще легче. Скорее всего, он в больнице. По какой ветке ехал?

Ольга минут сорок просидела в тесной, душливно пахнувшей комнатке, выкрашенной ядовито-синей краской. Ей дали стул и просили подождать. Милиционер звонил по телефону, говорил по радию. Мимо провели женщину с сумками, потом избитого в кровь, с трудом державшегося на ногах парня. Тот плевал на кафельный пол розовой слюной и неразборчиво, без особого пыла матерился.

Наконец милиционер положил трубку и сообщил результаты. Ни на одной из станций, которые должен был проезжать вчера вечером Виталий, таких случаев вчера не отмечалось. Плохо никому из пассажиров не стало, в больницу людей с таким именем не доставляли. И даже не задерживали. Ольга не стала настаивать, чтобы поиски продолжались. Она видела, что этот молодой, пока еще старательный парень сделал для нее все, что мог. Женщина вернулась домой и снова села на телефон. Друзья, знакомые, родственники... С каждым звонком надежда становилась все более иллюзорной. Он мог быть только в одном месте. Там.

Невозможно! Невероятно! Если это так, тогда все на свете — ложь... И она ничего не понимает в людях, в самой себе, в человеческих отношениях...

РАЗБИТЫЕ МАСКИ

И она набрала номер, который помнила наизусть — еще с той поры, когда они с Виталием только начинали встречаться. Тогда он сразу попросил не звонить ему домой, но эти семь цифр она помнила как заклинание, волшебный код... Ключ к будущему счастью.

Все были дома — сперва трубку сняла дочка Виталия — пятнадцатилетняя Таня, потом подошла бывшая жена. Она сразу узнала Ольгин голос и на удивление ласково спросила, что случилось.

Запинаясь и ненавидя себя за виноватый тон, Ольга сказала, что не дождалась вчера Виталия, беспокоится и хотела бы знать... Ее оборвали — в голосе появились торжествующие нотки:

— Потеряла? Так скоро? Ну, тут я ничем помочь не могу! Ищи в другом месте, у другой бабы! А меня оставь в покое!

И, собираясь положить трубку, Ольга расслышала злорадное:

— Ты имеешь то, что заслужила! Бог все видит! Он тебя наказал!

Прошло три дня, и она подала заявление в местное отделение милиции — об исчезновении супруга. Теперь Ольга никому не звонила — напротив, все звонили ей. Знакомые осторожно соболезновали, друзья предлагали помощь, родственники (его родня) ужасались и намекали на самый худший исход дела. Ольга как будто окаменела. Женщина сама себе удивлялась — с тех пор, как пропал муж, она не проронила ни единой слезы, ни разу не впала в истерику. Больше того — ей казалось, что еще в тот, самый первый вечер, стоя в метро и следя за потоком поднимающихся пассажиров, она сразу ясно поняла, что муж пропал навсегда и больше она его не увидит.

Но, конечно, продолжала надеяться. Бог знает на что — на чудо, на счастливый поворот судьбы. В конце концов, что с ним могло случиться? У него был болезненный вид, он устал? Значит, скорее всего, попал в больницу. Но ни в одной больнице его не нашли, в моргах тоже не оказалось «клиента» с подобными документами и приметам. О чем это говорит? Документы он мог потерять (всегда носил

в барсетке). Случился приступ, барсетка выпала из рук, ее кто-то украл — дело обычное. Он попал в больницу без имени, без фамилии. Его приняли, положили в стационар (в реанимацию). И лечат. Когда Виталий придет в себя, конечно, все прояснится. Ведь невозможно обойти все больницы и осмотреть всех мужчин, лежащих без памяти. Москва слишком велика.

Или другой вариант — на него напали, ограбили, ударили по голове. Об этом исходе она старалась не думать, но ведь могло случиться и такое? Он потерял сознание, возможно, и память, был доставлен в больницу... Или... Погиб?!

Доходя в своих рассуждениях до этого пункта, Ольга всякий раз запрещала себе об этом думать. Он не погиб, быть не может! Почему именно он?! За что?! Как такое могло случиться?!

Одно она знала точно — к бывшей жене Виталий не возвращался. И это странным образом ее успокаивало. Его не было, но все-таки он оставался с ней. А значит — еще не все потеряно.

Женщина старалась не замечать времени, которое прошло с момента исчезновения мужа. Занимала себя разнообразными делами, выдумывала какие-то иллюзорные цели и обязанности. Например, на свой страх и риск и за свой счет продолжала заниматься ремонтом квартиры. Она как будто делала вид, что ничего не произошло — заигрывала с судьбой, пытаясь вымолить у нее поблажку.

Рабочие приходили утром и уходили, когда она возвращалась с работы. У них были ключи от квартиры и неограниченное право в нее входить — так договорились с самого начала. Переехать молодоженам было некуда, и они решились на такой вариант — лучше немного потерпеть неудобства, пыль и чужих людей, чем платить за съемную квартиру. Пока с нею был муж — ее ничто не страшило. Но теперь, после его исчезновения, Ольга перестала понимать, зачем занимается этими неприятными вопросами.

У нее возникло тягостное ощущение бездомности. Она так и не успела почувствовать своей квартиру, где жила совсем недавно. А теперь, когда с утра до вечера в ней толк-

РАЗБИТЫЕ МАСКИ

лись, шумели и командовали незнакомые, грязно одетые, бесцеремонные люди, она и вовсе растерялась. У женщины было такое чувство, что она не вправе требовать от мастера и рабочих самых простых вещей. Например, ускорения темпов работы (несмотря на авансы, те почти ничего не сделали). В самом начале ремонта, когда говорилось о перепланировке, Виталий пожелал соединить комнату с кухней, пробив в стене проем. Эту переделку ни с кем не согласовывали, хотя Ольга очень тревожилась по этому поводу — как бы стена не оказалась несущей, как бы не пожаловались на шум соседи... И вот, когда проем был сделан, обнаружилось, что кто-то из соседей все-таки пожаловался в ЖЭК. Приходили какие-то люди, осматривали переделки, грозили судом и невероятными штрафами... Все это случилось уже после исчезновения Виталия. Ольга не находила в себе сил обороняться, хотя испорченная стена была всего лишь легкой перегородкой. У нее было одно желание — чтобы все наконец покинули квартиру — и жалобщики, и рабочие, а у нее появилась возможность надеть домашний халат и лечь на диван.

Несмотря на свое одиночество, она почти не бывала одна. Как только рабочие удалялись, являлись сочувствующие. Этих она и подавно не могла выгнать. Приходили друзья и сослуживцы Виталия — как правило, с бутылкой водки. Закуску полагалось обеспечивать Ольге.

Она разогревала ужин, наспех делала какие-то бутерброды... И выслушивала бесконечные, все более задушевные истории о пропавшем муже. О нем уже говорили по принципу — «о мертвых либо хорошо, либо ничего». Называли прекрасным, редким человеком. «Какой был парень!» Иногда делались попытки взять ее за руку, намекалось на желание остаться с ночевкой. Как правило, приходили люди холостые или разведенные. Молодая женщина с трудом выпроваживала таких размякших гостей, иногда произнося резкие фразы и каждый раз чувствуя что-то вроде угрызений совести. Ведь, с одной стороны, люди пришли поддержать ее морально. С другой же... Все было чересчур понятно.

Являлись подружки по училищу и лицее, где она преподавала музыку. И тоже, как правило, незамужние или разведенные. Приходили даже те, с кем она раньше не поддерживала особых контактов. Как будто с исчезновением Виталия она автоматически вошла в их круг и уже не имела права отказаться от навязанной дружбы. Подружки жаловались на сломанную жизнь, неудавшиеся романы, скверных, грубых учеников и их заносчивых родителей... Тут в ходу была уже не водка, а недорогое вино, кислое или приторное. Закуску приносили с собой. Быстро и некрасиво напивались, доставали пудреницы, начинали утирать слезы, сочувствовали Ольге, а взамен требовали от нее жалости к себе... Женщины, в отличие от мужчин, как одна, считали, что Виталий жив и непременно вернется. Говорили, что у него могли возникнуть какие-то срочные дела (например, по работе). Он-де просто не успел известить о них молодую жену... И будто сговорившись, гости не обращали внимания на то, что с момента исчезновения Виталия прошло слишком много времени, чтобы он не мог добраться до телефона и позвонить домой...

Такие утешения имели обратный эффект. Чем дольше Ольга выслушивала советы подруг, тем яснее понимала: положение безнадежно, случилось что-то страшное и на благополучный исход надеяться глупо. Но она им не возражала. Ведь все эти нелепые утешения произносились от чистого сердца...

И наконец, явилась Ирина — бывшая жена Виталия. Она пришла без предупреждения, впрочем, как всегда. В дверь позвонили, и Ольга открыла, даже не взглянув в глазок — настолько привыкла к визитерам. Но увидев, кто стоит на пороге, машинально отступила назад. Это было непроизвольное движение испуга — как-то Ирина отхлестала ее по щекам. Это случилось на глазах у многих свидетелей, в зале суда, где было наконец вынесено решение о разводе... Ольга ни за что не явилась бы на это судилище, но Виталий так просил прийти и поддержать его морально. Женщина знала, что он боится бывшей жены, пошла и до сих пор не могла себе этого простить.

РАЗБИТЫЕ МАСКИ

— Добилась своего? — спросила гостя, переступая порог и втаскивая за собой долговязую, смущенную девочку. — Вот, Таня, посмотри на убийцу своего папы!

Без всякой паузы женщина ударилась в слезы. Девочка хмуро рассматривала потрепанный, забрызганный известкой коврик. А ее мать истерично, декламационным тоном рассказывала о своей нелегкой судьбе, разрушенном семейном счастье, упомянула даже тяжелые роды, детские болезни единственного ребенка...

Ольга стояла, опершись спиной о дверной косяк, и считала про себя до десяти, потом до тридцати, до ста... Она старалась не слушать и молила Бога только об одном — чтобы та наконец поняла, как некрасиво и глупо себя ведет, и ушла. Хоть бы дочка постыдилась, ведь той неловко, даже подросток понимает больше, чем Ирина...

А гостью все больше злило молчание хозяйки. Она повышала тон и уже начинала кричать:

— Думаешь, я не знаю, что ты с ним сделала? Все понятно, дурак не сообразит!

— Что вам понятно? — перебила Ольга. Она не могла больше молчать.

— Ты со своим любовником убила его, а труп спрятала, чтобы получить всю квартиру! Но тебе это не светит, успокойся!

Ольга, будто защищаясь, подняла руку:

— Что вы говорите?! Вы же понимаете, что это неправда, как вы можете!

Но это слабое возражение только еще больше завело Ирину. Та вылила целый поток грязи, не стесняясь в выражениях и как будто совершенно не принимая в расчет стоявшую рядом дочь. Ольге было сообщено, что та ни единой минуты не любила Виталия, а только зарилась на московскую квартиру с пропиской. Что она довела его до болезни своими требованиями денег — из-за этого он буквально убивался на работе. Что еще до брака у Ольги были любовники (в большом количестве), а теперь их стало еще больше, ведь она — завидная невеста. Но только пусть она успокоится и успокоит на этот счет своих хахалей — есть кому

заступить за ограбленного ребенка! Тут вперед была вытолкнута Таня, все еще не поднимавшая глаз и не сказавшая ни слова. Эту девочку Ольга тоже видела на бракоразводном процессе. И при той безобразной сцене с пощечинами дочь Виталия тоже присутствовала.

Ольга старалась не слушать незваную гостью, но сделать это было трудно — та говорила на повышенных тонах. Было что-то сказано о правах на наследство, о том, что после ухода папы дочка сразу стала хуже учиться, о неуплаченных алиментах...

— Но ведь его нет, кто же будет платить? — слабо возразила Ольга.

— Плати ты... — Эта элегантная, подтянутая дама с двумя высшими гуманитарными образованиями порой выражалась языком торговки семечками. — Он же не умер, нет? Значит, придет судебный исполнитель и опишет тут все, чтобы ребенок не пострадал...

И неожиданно узрев на стене покосившееся зеркало в тяжелой раме, победоносно вскинула палец:

— Это, между прочим, мы вместе покупали! И кровать, и комод тоже! Это антиквариат, если тебе известно, что это такое! Я его собирала!

Сказанное было наглой ложью: Ольга знала историю каждой вещи в этой квартире — бывшей квартире родителей Виталия. То, что гостья называла антиквариатом, было мебелью, переходящей из поколения в поколение в семье Виталия. «Но может быть, Ирина сама верит тому, что говорит? В таком-то состоянии...» И женщина махнула рукой:

— Берите все.

Это было ошибкой. Ирина, приготовившись к долгому сопротивлению, больше разозлилась, чем обрадовалась. Возможно, ее задел усталый, равнодушный тон хозяйки или то, что скандал явно пошел на убыль, не получая свежей пищи. Она замолчала, неожиданно покраснела и, схватив дочь за плечо, развернула ее к дверям. Та повернулась как заводная и первой вышла на лестницу.

РАЗБИТЫЕ МАСКИ

— Запомни, — обернувшись, заявила ее мать. — Нам твоих подачек не нужно! Мы имеем право на все, и мы получим все! Жди повестки!

Не прошло и двух недель, как Ольга в самом деле получила вызов в районный суд. Там ей коротко объяснили суть иска. Несовершеннолетняя дочь Владыкина Виталия Ивановича имеет право на определенную часть в принадлежащем ему имуществе и хочет эту часть получить. Она имеет на это полное право, так как завещание не было составлено и раздел будет произведен согласно закону. Интересы Тани представляет ее мать и нанятый ею адвокат.

— Но я — жена!

— Вы тоже имеете права, — успокоили Ольгу.

— Но мой муж жив! Он просто находится в розыске!

Ситуация с исчезновением Виталия здесь уже была известна. Адвокат Ирины, как выяснилось, предоставил все необходимые справки для ведения дела. И Ольге объяснили, что вернется ее супруг или нет — она обязана удовлетворить иск, так как в отсутствие мужа является его представительницей.

— Это в ваших интересах, — спокойно говорила судья. — Вы ведь проживаете в той квартире. Так лучше, чтобы поскорее все прояснилось. Девочка имеет законные права на часть имущества. Оно было получено ее отцом по наследству от родителей. Бывшая жена ни на что не претендует, но девочка имеет свою часть по закону. Ведь никакого завещания ваш супруг не составлял? Вы об этом не слышали?

Ольга не могла говорить. Она только мотнула головой.

— Значит, наследников двое — вы и девочка. Не думаю, что они будут настаивать на продаже квартиры и разделе средств. Скорее, предложат вам мировое соглашение.

— Что это?

— Самое оптимальное для вас, — теперь судья говорила почти ласково. На миг в ее тоне мелькнуло какое-то сходство с Ириной, когда той приходило на ум быть вежливой. Ольга даже вздрогнула. — Вы подпишете с истцом мировое

соглашение, по которому тот за определенную плату откажется от всех притязаний на квартиру. Навсегда.

— О господи... — пробормотала Ольга. — Но почему они затеяли все это теперь, когда Вити нет... Неужели не могут подождать? И разве это законно — в его отсутствие делить имущество?!

Ее успокоили — вполне законно. Поскольку были предоставлены справки, что девочке срочно требуется дорогостоящее лечение, а средств для этого у бывшей жены Виталия нет. Судья продолжала что-то объяснять, но Ольга уже не слушала. Она чувствовала, что заблудилась в кошмарном сне — когда снится, что ты уже проснулся, но вскоре оказывается, что ты просто вынырнул в очередной кошмар, откуда — в следующий... И когда просыпаешься на самом деле и резко садишься на постели, шея мокра от пота, а сердце бьется где-то во рту.

Ей так и не удалось до конца разобраться во всех тонкостях предъявленного иска. Он был настолько запутанным, что у Ольги голова шла кругом. Речь шла о каких-то значительных переделках в квартире, сделанных еще до развода, а стало быть, на совместные деньги супругов. Таким образом, доля Тани значительно увеличивалась. Эти переделки, были они или нет, теперь исчезли вместе с новым ремонтом. Ни оценить, ни доказать ничего было нельзя, и дело тянулось, путалось, возвращалось на круги своя...

Наступила и прошла весна, началось дождливое лето. Неопытный и нерадивый адвокат доводил Ольгу до белого каления. Мастер, руководивший затянувшимся ремонтом, куда-то бесследно пропал, забрав вперед все причитающиеся ему деньги. Рабочие, лишившись командира и зарплаты, роптали и целыми днями просиживали у Ольги, ничего не делая и явно надеясь, что она заплатит им еще раз. Но все это были мелочи по сравнению с тем, что Виталий не возвращался и не давал о себе знать. И каждую ночь она лежала с открытыми глазами, глядя в темноту, вдыхая запах сырой штукатурки, и спрашивала себя — неужели это и впрямь конец? Она его больше не увидит? Неужели человек может исчезнуть бесследно?

РАЗБИТЫЕ МАСКИ

* * *

На другой день она все-таки восстановила утраченную справку и передала ее своему адвокату. Судебное заседание должно было состояться в три часа. Ольга уже с двух томилась в коридоре, знакомом до отвращения и нервной дрожи. То присаживалась на деревянную, отполированную тысячами людей скамью, то вскакивала и выглядывала в окно. Оно выходило во двор, и отсюда было хорошо видно, как подъезжают машины. Вот и адвокат Ирины со своей подопечной. Выходят из новенькой «Волги» и, не торопясь, следуют к подъезду. Ирина, как всегда, выступает со зловещей грацией богомола, слегка поворачивая из стороны в сторону узенькое треугольное личико и пронзительный взгляд. Адвокат — полный симпатичный блондин лет сорока — на ходу разворачивает конфетку и отправляет ее в рот с таким безмятежным видом, будто следует на приятную вечеринку.

Ольга поспешила пройти в зал судебных заседаний. Незачем сталкиваться с этой парой в коридоре, там слишком мало места, а она предпочитает держаться от них подальше. Теснота обостряет агрессию, особенно у Ирины.

Ее собственный адвокат уже сидел на своем месте и откровенно скучал. В его ленивом взгляде, подернутом жирком, как вчерашний суп, ясно читалось, что исход дела ему давно ясен и он ходит сюда лишь из любезности и в память покойной матери.

— Оба явились, — шепотом сказала она парню.

Тот кивнул:

— Уже хорошо. А я думал, она опять заболит...

— А вот это как раз было бы неплохо, — тихо произнесла Ольга.

Два раза заседания откладывались из-за болезни Ирины. Настоящие это были хвори или поддельные — никто сказать не мог. Ольга знала, что у той множество нужных знакомых — от поликлиники до приемной народного депутата, и добыть любую справку ей нипочем. К тому же болела Ирина как раз в те моменты, когда ее адвокат не успевал выправить какие-то бумаги по делу о наследстве.

АННА МАЛЫШЕВА

— Подписали бы вы мировое соглашение, и дело с концом, — все так же скучающе проговорил парень, раскрывая папку и здороваясь с судьей. — Сколько это будет тянуться? Они не торгуются, сами убедились.

— Но у меня нет денег!

— Совсем нет? — не поверил он. — Не найдете каких-то шести тысяч?

— Может, они и «какие-то», для вас это мелочь... А у меня осталось пятьдесят долларов, и на эти деньги мне придется тянуть до зарплаты!

Тот расстроился:

— Скверно. Тогда это никогда не кончится.

Она хотела ответить резкостью, заявить, что он ничего не сделал для того, чтобы все хоть как-то кончилось... Но промолчала. Ольга ненавидела себя за эту черту. Она часто говорила не то, что хотела, и часто молчала вместо того, чтобы возразить. «Все потому, что боюсь кого-то обидеть, но никто не боится обижать меня!»

Ирина с адвокатом уселись на первой скамье в соседнем ряду. Женщины не обменялись ни единым взглядом — все было сказано, все ясно. Ольга давно поняла, что та действует не из желания наживы и не затем, чтобы спасти дочь. Таня была абсолютно здорова, это стало известно через общих знакомых. Просто-напросто Ирина не в силах уйти с поля боя и оставить квартиру сопернице.

— Она просто хочет истрепать вам нервы, — сказал Ольге ее адвокат. Иногда этот меланхоличный молодой человек изрекал вполне толковые вещи. — Поэтому идите-ка лучше на мировую. Оттуда ей обратного хода не будет — хочет не хочет — отвяжется.

И в самый последний момент, когда заседание уже началось, в зал ворвался плотный мужчина в растянутом голубом свитере. Ольга изумленно привстала с места, увидев старинного друга семьи. Его появление было для нее чем-то невероятным — все равно, как если бы в зал заседаний вошла цирковая лошадь и станцевала вальс.

— Ты откуда? — шепнула она, быстро усаживая его рядом с собой. — Я думала, ты в Германии!